

Благополучно устроив Чэнь Хэсуна в школе, Чжу Цинчэнь вернулся домой. Он блаженно растянулся на диване, чувствуя невероятную легкость на душе.

— Сегодня был отличный день. В награду разрешаю себе посмотреть серию «Счастливый Супермен»!

[У тебя на всё найдется оправдание] — отозвалась Система.

— Сегодня праздник, так что добавлю к нему еще и «Весёлый козлик и Большой-большой волк»!

[Может, хватит уже?]

Не обращая внимания на ворчание, Чжу Цинчэнь закинул ногу на ногу, взял пульт и включил телевизор. Под знакомую мелодию из опенинга он взял свой стакан с клубничной соломинкой и с наслаждением отхлебнул воды.

Система, глядя на его расслабленный вид, лишь безнадежно вздохнула:

[Знай я заранее, что всё так обернется, перенесла бы нас еще дальше по временной шкале. Ты здесь не задания выполняешь, а как будто в отпуске нежишься]

— Мои задачи выполняются быстро и качественно, так что это не мои проблемы, — резонно возразил Цинчэнь. — Не виноват же я, что настолько талантлив.

Он отставил стакан и на мгновение задумался.

«На самом деле, каждый раз я лишь подталкиваю их, делаю самую малость. Весь основной путь они проходят сами»

Именно Пэй Сюань проявил невероятное упорство, изнуря себя тренировками, чтобы вырваться из капкана князя Цзина. Именно Чэнь Хэсун нашел в себе мужество и хитрость, чтобы противостоять Хэ Юю и отвоевать право на нормальное будущее. Цинчэнь же в этих историях лишь выполнял свой скромный долг наставника.

«В оригинале их называли «униженными шоу» или «угрюмыми шоу». Но разве кто-то захочет быть таким по доброй воле? Кому понравится до конца дней быть привязанным к чудовищу?»

Стоит дать им малейший шанс на пробуждение, немного помочь, подставить плечо — и они сами помчатся навстречу лучшему будущему»

Чжу Цинчэнь не собирался опекать их как наседка. Его цель — направить, научить независимости и стойкости.

На этот раз Система не стала с ним спорить. Вскоре телефон Цинчэня завибрировал — пришло сообщение от наставника Гао.

[Сяо Чжу, завтра жду тебя в учебной части на совещании]

[Не переживай, просто расскажешь всё как есть]

[Хэсуна брать не нужно, пусть посидит в общежитии, почитает книги]

Цинчэнь вздохнул и напечатал короткое «Хорошо». История еще не была закончена; впереди ждала серьезная битва. Чэнь Хэсун с таким трудом передал ему все карты, и наставник не имел права подвести его. Он не позволит, чтобы побои мальчика оказались напрасными.

— Ты всё еще собираешься запрашивать доступ к архивам ради видео и фото? — уточнила Система.

— Да. Это необходимо. Я докажу, что издевательства Хэ Юя не были случайностью, это была планомерная, многолетняя травля.

Следующим утром Чжу Цинчэнь встал ни свет ни заря. Пока он умывался в ванной, Система доложила:

[Запрос одобрили еще ночью. Я просмотрела смартфоны этих хулиганов и нашла достаточно доказательств. Всё уже у тебя в телефоне]

— Отлично, — кивнул Цинчэнь. — Спасибо, Система.

[Не стоит. Спасибо Хэсуну — если бы он вчера не вызвал полицию и этих лоботрясов не собрали в одном месте, мне бы потребовалось куда больше времени, чтобы запеленговать их устройства]

— Помогающему себе помогает и небо, — негромко произнес Чжу Цинчэнь, смывая зубную пасту. — Что же, в путь.

Ученики в общежитии просыпались ровно в полседьмого. Умыться, одеться, прибраться в комнате — и к семи часам здание пустело. Когда Цинчэнь подошел к общежитию, трое парней еще сладко сопели, а Хэсун уже успел навести идеальный порядок и как раз убирал инвентарь.

Стоило наставнику постучать, как троица буквально подпрыгнула на кроватях.

— Что?! Где?! Кто?!

Хэсун открыл дверь:

— Наставник Чжу.

Соседи по комнате с грохотом посыпались с коек, в панике натягивая одежду.

— Мы уже встаем! Секунду, учитель!

Цинчэнь окинул их коротким взглядом:

— Живее.

Он отвел Хэсуна в сторону, в пустой коридор, и вполголоса проговорил:

— Хэсун, сегодня в школе будет собрание по твоему делу. Не волнуйся, мы с наставником Гао там будем, так что всё пройдет как надо.

— Хорошо, тогда я...

— Ты остаешься здесь. Это дела взрослых. Сиди в комнате, запири на засов и никому не открывай.

Хэсун послушно кивнул.

— Я предупредил дежурную, она не пустит посторонних. Когда всё закончится, я сам приду за тобой. Слышишь? Только я. Никому другому дверь не открывай.

Цинчэнь слишком хорошо понимал, что семья Хэ привыкла плевать на закон, и не собирался рисковать. Тяжелая синяя железная дверь со щеколдой внушала доверие — если запереться изнутри, она станет надежной преградой.

— Телефон заряжен? — напоследок спросил он.

— Да.

— Будут проблемы — сразу звони мне.

Цинчэнь еще раз убедился, что его номер стоит в списке экстренных вызовов, и только после этого выпроводил остальных учеников из блока.

Оставшись один, Чэнь Хэсун запер засов, на всякий случай поставил тяжелую швабру у двери и сел за тетради. У него давно не было таких спокойных часов для учебы. Никаких поручений от Хэ Юя, никаких криков матери. И хотя исход собрания еще не был ясен, на душе у мальчика было непривычно спокойно.

Вернувшись в кабинет, Чжу Цинчэнь принялся систематизировать доказательства. Система летала рядом, давая ценные указания:

[Как ты вообще умудрился дожить до своих лет и не научиться делать презентации?]

— Замолчи, — бросил Цинчэнь, быстро стуча по клавишам.

В восемь утра он вошел в административный корпус. Наставник Гао уже был там; сложив руки на груди и прикрыв глаза, он дремал в кресле.

— Наставник Гао? — тихо позвал Цинчэнь.

Старик вздрогнул.

— А? Сяо Чжу, это ты?

— Да. Вы сегодня рано.

— Вчера как приехал, так глаз и не сомкнул, — наставник потер переносицу. — Живу далеко, вчера хорошо, что ты был рядом, иначе быть беде.

— Без вашей помощи мы бы тоже не справились.

Старик посерьезнел и понизил голос:

— Если начнется перепалка — помалкивай. Я серьезно. Ты только начал работать, не рискуй

будущим. А у меня стаж, мне их вопли — как об стенку горох.

— Хорошо, — Цинчэнь послушно кивнул и улыбнулся. — Буду прятаться за вашей широкой спиной.

— Вот и славно.

В оригинальной истории наставник Гао был единственным, кто искренне переживал за Чэнь Хэсуна. Он до последнего боролся против его перевода на второй год, а после выхода на пенсию продолжал следить за успехами мальчика, гадая, как сложилась его судьба. К сожалению, обычный учитель в летах не мог тягаться с влиянием семьи Хэ. Десять лет спустя, глубоко больным стариком, он вернулся в школу на юбилей, опираясь на трость, лишь бы узнать хоть что-то о Хэсуне. Но в той версии событий мальчик так и не смог разорвать цепи, которыми сковал его Хэ Юй.

Этот старик нес в себе горькое сожаление до самого гроба. Ах да, Система упоминала, что это было частью сюжета «Погони за женой в крематорий». Хэсун, доведенный до глубокой депрессии, рыдал у постели умирающего наставника Гао, упрекая себя в том, что не оправдал его надежд. Хэ Юй тогда так «проникся» его горем, что не отходил от него целых три дня.

Целых три дня! Какое «самопожертвование» для домашнего тирана.

В итоге Хэсун окончательно сошел с ума, а Хэ Юй пришел на могилу наставника Гао с букетом цветов, прося покойного помочь ему завоевать любовь Хэсуна.

Когда Цинчэнь услышал об этом финале, он едва не задохнулся от возмущения. Будь он на месте наставника Гао, он бы восстал из могилы, лишь бы утянуть этого наглеца за собой. Какая невиданная наглость — просить благословения у того, чью жизнь и труды ты растоптал.

Вскоре кабинет начал заполняться. Пришли родители Хэ Юя, представители учебной части, заместитель директора Чжоу Чун, сотрудники Комитета по защите прав учащихся и офицеры из полиции. Комната была битком набита людьми; велась официальная видеозапись.

Поскольку Чжу Цинчэнь был классным руководителем Хэсуна и первым прибыл в участок, ему поручили изложить суть дела. Он занял место во главе стола и начал говорить — четко, взвешенно, восстанавливая хронологию событий.

— Четыре дня назад мать моего ученика, Чэнь Хэсуна, обратилась ко мне с требованием оставить сына на второй год. Она утверждала, что причина — состояние здоровья, однако до сих пор не предоставила справку из государственного медицинского учреждения. Учитывая подавленное состояние мальчика и тот факт, что в десятом классе учится его сводный брат Хэ Юй, я предупредил госпожу Чэнь: если заявление подписано под давлением, оно будет аннулировано. Весь разговор записан на видео.

Цинчэнь вывел на экран запись. Мать Чэнь дернулась было что-то вставить, но наставник жестко пресек попытку:

— Пожалуйста, соблюдайте тишину. Я еще не закончил.

Он продолжил:

— Вчера вечером в семь часов мне позвонили из полиции. Офицеры справятся с описанием инцидента профессиональнее меня, вот копия постановления. Также прилагаю медицинское заключение о травмах Чэнь Хэсуна и записи с камер видеонаблюдения. Хэ Юй вместе с пятью соучастниками устроил групповое избиение. Его задержали на пятнадцать суток, сейчас он должен быть в отделении.

Цинчэнь сделал паузу, обводя присутствующих взглядом.

— Кроме того, в ходе собственного расследования я выяснил: это не единичный случай. Хэ Юй терроризирует Хэсуна со времен средней школы. Прошу ознакомиться с материалами, полученными из личных архивов зачинщиков.

На экране сменяли друг друга фото и видео, от которых в кабинете воцарилась гробовая тишина. Даже родители Хэ Юя лишились дара речи.

— На основании вышеизложенного я заявляю: перевод на второй год был не медицинской необходимостью, а актом домашнего насилия. Мальчика пытались превратить в живую прислугу для его сводного брата против его воли. Чэнь Хэсун годами жил в атмосфере террора и безразличия, и ему немедленно требуется защита.

Затем Цинчэнь перевел взгляд на заместителя директора.

— Вчера вечером заместитель директора Чжоу звонил мне с требованием «замять» дело, прикрываясь положением семьи Хэ. У меня есть основания полагать, что некоторые сотрудники школы сознательно покрывали многолетнюю травлю.

В завершение Цинчэнь зачитал список требований:

— Первое: аннулировать заявление о повторном обучении. Чэнь Хэсун немедленно возвращается в двенадцатый класс.

Второе: обеспечить мальчику защиту. До совершеннолетия он отказывается от любых контактов с этой семьей. Ему необходим курс психологической реабилитации.

Третье: исключить Хэ Юя и его пособников с занесением в личное дело и публичным

объявлением по всей школе.

Четвертое: провести внутреннее расследование в отношении лиц, утвердивших липовое заявление и пытавшихся угрожать мне вчера вечером.

Пятое: немедленно опубликовать протокол этого собрания, чтобы исключить любые попытки подтасовки фактов.

Пока Цинчэнь говорил, его взгляд был прямым и холодным. Только теперь Лао Хэ и Чжоу Чун осознали — на этот раз связи и деньги не помогут. Отец Хэ, багровея от ярости, под столом ощутимо пнул жену, вина её в том, что она не смогла приструнить собственного сына.

Мать Чэнь попыталась возразить дрожащим голосом:

— Наставник Чжу, вы преувеличиваете... В нашей семье нет насилия. Это просто мальчишеские ссоры, они же братья...

Цинчэнь щелкнул мышкой:

— Видео и отчеты судмедэкспертов перед вами. Не мне судить, как это называется по закону — для этого здесь полиция. Но я не позволю называть избиение «ссорой».

Мать Чэнь завела старую волынку про «семейное дело», про то, что Хэсун тоже в чем-то виноват, и потребовала личной встречи с сыном. Чжу Цинчэнь медленно выпрямился и посмотрел ей прямо в глаза:

— Я давно хотел спросить вас об одном. Чэнь Хэсун действительно ваш родной сын?

— Разумеется...

— Тогда почему вы так с ним поступаете? Только потому, что он ваш по крови, вы решили, что можете ломать его как угодно, и он никуда не денется?

— Что вы несете?! Он живет в достатке, он ни в чем...

— Только потому, что он ваш сын, вы решили, что имеете право распоряжаться его судьбой? Лишить его будущего, заставить прислуживать чужому ребенку, принести в жертву его жизнь ради вашего комфорта в новом браке? — голос Цинчэня звучал негромко, но пробирал до костей. — Вы ведь прекрасно знаете, как должна вести себя мать — посмотрите, как вы дрожите над Хэ Юей. Так почему же собственному ребенку вы уготовили роль подстилки?

Мать Чэнь вжалась в стул, не в силах вымолвить ни слова. Когда Лао Хэ открыл рот, Цинчэнь оборвал и его:

— И к вам у меня есть вопрос. Вы хоть понимаете, что значит быть отчимом? Ваш брак — это не только союз двух взрослых людей, это объединение семей. Почему вы вошли в этот дом, будучи совершенно не готовым к ответственности? Почему не воспитали собственного сына? Почему, видя, как ваш ребенок истязает другого, вы предпочли закрыть глаза? Чэнь Хэсун для вас не человек? Он — кирпич в фундаменте вашего семейного счастья? Он — подросток, почему он должен расплачиваться своим здоровьем за вашу идиллию?

Отец Хэ побледнел, его кулаки на столе сжались до белизны в костяшках. Цинчэнь повернулся к микрофону:

— И вы, заместитель директора Чжоу. Будучи в таких близких отношениях с семьей Хэ, вы не могли не знать о ситуации.

Чжу Цинчэнь вошел в раж, даже наставник Гао не мог его остановить. Изначально они договаривались, что Гао-лаоши возьмет огонь на себя, а Цинчэнь будет лишь свидетелем, но в итоге старик не вставил ни слова — Цинчэнь буквально разносил аудиторию. Его речь была безупречно вежливой, без единого грубого слова, но она была наотмашь.

Чжоу Чун попытался вклиниться:

— Довольно, наставник Чжу. Мы зафиксировали ваши слова, комиссия обсудит это позже.

— Вы утвердили его перевод, зная, что это ложь. Вы позволили подонку вроде Хэ Юя попасть в школу через черный ход. Вы знали о травле и молчали, потакая агрессору. Почему?

— Хватит!

— Нет, не хватит! — Цинчэнь стоял на своем. — Мне нужен ответ. И если его не дадите вы, его потребует следствие.

Высказав всё, Цинчэнь выключил микрофон и отхлебнул из своего стакана с желтой уточкой, но место не покинул. Дело приняло слишком серьезный оборот, чтобы школа могла замять его внутри коллектива. Присутствие офицеров полиции и Комитета по правам учащихся делало процесс необратимым.

Чжоу Чун проямлил:

— Я признаю, что допустил просчет. Возможно, моё решение было не совсем верным, но я руководствовался лишь интересами семьи, надеялся, что «худой мир лучше доброй ссоры»...

Цинчэнь снова наклонился к микрофону:

— Это наглая ложь.

Лицо замдиректора перекошилось.

— Почему на уступки всегда должен идти Хэсун? Почему выгоду всегда получает Хэ Юй? Ваши угрозы в мой адрес записаны на диктофон, и мы их только что прослушали.

Несколько лояльных учителей попытались сгладить углы:

— Ну же, наставник Чжу, Заместитель директора Чжоу — опытный педагог, старой закалки. Просто традиционные взгляды...

— Наставник Гао старше и опытнее, но у него нет таких «традиционных взглядов». Если Заместитель директора Чжоу так хочется сохранить идиллию семьи Хэ, почему бы ему самому не пойти к Хэ Юю в прислужники? — Цинчэнь едва сдержался, чтобы не добавить: «Я вообще из древних времен, но даже для меня это дикость!»

— Каждый божий день готовить ему завтраки, терпеть его издевательства, а если молоко окажется не той марки — получать побои. Как вам такая перспектива, господин заместитель директора? Хотите вкусить «семейного счастья»?

В кабинете повисла мертвая тишина. Чжоу Чун сорвался на крик:

— Не смейте переходить на личности!

— Мир в семье — прежде всего, — Цинчэнь холодно улыбнулся. — Я лишь констатировал факты, и вам это не понравилось. Мой ученик жил в этом аду годами, а вы советовали ему «смириться»? Смирение — для Хэсуна, а для вас — «не переходить на личности»? Вы прекрасно понимали, что Хэсун в этой схеме — лишь расходный материал, которым можно пожертвовать ради расположения семьи Хэ. Я настаиваю на расследовании в отношении Чжоу Чуна.

Представитель надзорного ведомства кивнул:

— Не беспокойтесь, наставник Чжу. Расследование начнется немедленно.

Только после этого Цинчэнь замолчал. Он выглядел спокойным и даже мягким, но каждое его слово било точно в цель. К полудню школа удовлетворила все его требования и немедленно подготовила документы.

Чэнь Хэсун возвращался в двенадцатый класс, селился в общежитии и получал психологическую помощь. Семье было официально запрещено приближаться к нему. Родители Хэ признаны не справившимися со своими обязанностями, им предстоит пройти обучение и находиться под надзором общины. Школа официально признала инцидент актом многолетней злостной травли; Хэ Юй и остальные пять агрессоров получили серьезное предупреждение, результаты взыскания были вывешены на доске объявлений. Цинчэнь лично проследил, чтобы имена зачинщиков были прописаны четко, а имя жертвы — скрыто. Заместитель директора Чжоу был отстранен от должности на время следствия.

Уже на выходе отец Хэ поравнялся с Цинчэнем и процедил сквозь зубы:

— Bravo, наставник Чжу. Далеко пойдете.

Цинчэнь обернулся к нему, его глаза сияли вежливым торжеством:

— Благодарю за похвалу.

Угроза в голосе Лао Хэ была очевидной, но Цинчэню было не привыкать.

— Я обязательно предупрежу полицию: если со мной что-то случится, им стоит повнимательнее присмотреться к вашей семье. Всего доброго.

Отец Хэ проводил его испепеляющим взглядом.

Покончив с делами, Цинчэнь потянулся и зашагал к мужскому общежитию. Хэсун, успевший решить три пробных варианта и начавший четвертый, при звуке шагов вскочил, сжимая в одной руке телефон, а в другой — рукоять швабры.

— Это я, твой любимый наставник Чжу! — донеслось из-за двери.

Мальчик с облегчением выдохнул и отпер замок.

— Наставник...

Цинчэнь вошел, сияя улыбкой:

— Всё решено! Школа приняла все наши условия. Впереди целый год спокойной учебы, ты остаешься здесь.

Глаза Хэсуна расширились от изумления:

— Правда?

— Клянусь, — Цинчэнь потряс папкой с документами. — Вот твоя свобода.

Хэсун принял бумаги дрожащими руками. Он перечитал их один раз, второй, впиваясь в каждую строчку, пока наконец на его лице не расцвела робкая, но счастливая улыбка.

— Спасибо вам... большое спасибо.

— Идем в столовую, пора обедать.

— Иду!

Хэсун схватил карту для питания, запер дверь и послушно зашагал вслед за учителем. Он шмыгнул носом и, глядя на Цинчэня, вдруг почувствовал, как глаза предательски защипало.

— Наставник Чжу, я правда... я так вам благодарен.

— Не за что, — Цинчэнь ободряюще похлопал его по плечу. — Просто сдай экзамены на высший балл, и я получу премию. Если поступишь в университет Цинхуа или Пекинский университет, мне выпишут двести юаней! Представляешь, это же целых сто чашек молочного чая!

— Да... — Хэсун вытер глаза и решительно кивнул. — Я буду очень стараться.

Спустя мгновение он тихо добавил:

— Учитель... на самом деле только десять.

— А? Что? — Цинчэнь недоуменно моргнул.

— Сто чашек — это две тысячи. А за двести юаней можно купить только десять.

— ... — Цинчэнь напомнил себе, что он учитель литературы.

После обеда они вернулись в класс. Несколько учеников как раз пытались взломать пароль на мультимедийном компьютере, чтобы посмотреть кино. Цинчэнь просунул голову в дверь:

— Чем это вы тут заняты?

Ребята подскочили на месте.

— Наставник Чжу...

— Вы когда-нибудь перестанете так внезапно появляться?

— Выключайте шарманку, — улыбнулся Цинчэнь. — И мне нужно несколько крепких парней для важного дела.

Ученики мгновенно приободрились:

— Мы готовы! Что нужно делать?

— Спускайтесь вниз. Поможем нашему товарищу вернуть все его вещи и парту на законное место.

Хэсун робко вышел из-за спины учителя и кивнул одноклассникам:

— Заранее спасибо за помощь.

Ребята переглянулись, и их лица озарились восторгом.

— Хэсун возвращается?!

— Наставник, вы просто чудо!

— Учитель Чжу, вы — наш кумир!

«Что за странные слова пошли у нынешней молодежи?» — подумал Цинчэнь.

— Хватит болтать, пошли уже!

Целая делегация во главе с учителем размашистой походкой победителей проследовала вниз, чтобы с триумфом вернуть вещи Чэнь Хэсуна в его родной класс.